

БУНИН

без глянца

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)6
Б91

*Составление Павла Фокина и Лады Сыроватко
Вступительная статья Павла Фокина*

Б91 Бунин без глянца / [сост. П. Фокина и Л. Сыроватко ; вступ. ст. П. Фокина]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 382 с. — (Серия «Без глянца»).

ISBN 978-5-517-08650-1

Бунин одним из первых в наступившем «железном веке» нашел художественный ответ времени безразличия и беспредела. Затертый в смуте между грозными течениями друзей и врагов, он выдвинулся одинокой вершиной, с виду почти «ледяной», но внутри готовой превратиться в вулкан.

**УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)6**

ISBN 978-5-517-08650-1

© Фокин П. Е., составление, вступительная
статья, 2023
© Сыроватко Л. В., составление, 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

Свой среди чужих, чужой среди своих

Чем дороже нам Бунин, тем труднее для нас становится изъяснить иностранцу, в чем заключается его значение и его сила... Мне горько не только оттого вообще, что до сих пор Нобелевская премия не дана русскому, но еще и оттого, что так трудно было бы объяснить европейскому литературному миру, почему именно Бунин достоин этой премии более, чем кто-либо другой.

Владислав Ходасевич

Бунин вошел в историю мировой литературы как первый русский (а точнее — русскоязычный, ибо в графе «гражданство» официально значилось: «без гражданства») лауреат Нобелевской премии. Звание сколь несомненное, столь и сомнительное. Нобелевская премия, как и всякая другая премия, достаточно условное мерило таланта и художественного дара, разве что более мифологизированное и разрекламированное. Но, скажем, кто и где сегодня знает имена Сюлли-Прюдона, Бьернсона, Эчегерай-и-Эйсагирре, Кардуччи, Эйкена, фон Хейденстама, Гьеллерупа, Шпиттелера, Деледды, Карлфельдта, Силланпя (можно добавить сюда еще десятка полтора-два столь же экзотических даже для филолога имен)? А ведь все они нобелиаты! Каждый отмечен или «за выдающиеся литературные достоинства», или «за многочисленные заслуги», или «за многообразное поэтическое творчество». «За несравненный эпос». «За высокое мастерство». «За серьезные поиски истины, всепроницающую силу мысли, широкой кругозор, живость и убедительность». Или вот, как Харри Мартинсон, лауреат 1974 года, «За творчество, в котором есть все — от капли росы до космоса»!

Бунин — в *их* числе?

Конечно, можно вспомнить, что среди нобелевских лауреатов числятся Киплинг, Метерлинк, Тагор, Гамсун, Шоу, Томас Манн, Гессе, Фолкнер, Жид, Мориак, Хемингуэй, Камю, Сартр, Белль, Кавабата, Беккет, Солженицын, Маркес (и этот список всем известных имен можно пополнить). Каждый образованный человек если не читал, то, по крайней мере, слышал об этих писателях. Они — золотой фонд мирового культурного наследия. Можно и без казенных формулировок догадаться, за что они отмечены престижной наградой и солидной суммой денег.

Бунин — в одном с *ними* ряду?

Пожалуй, понять место Бунина в искусстве было бы проще, если бы он остался без пресловутой награды (хотя с точки зрения биографической и исторической слава Богу, честь и хвала шведским академикам, что поддержали в бедственную минуту жизни замечательного русского художника, а вместе с ним и всю русскую эмиграцию, нищую, бездомную, кинутую на произвол судьбы, униженную и оскорбленную). Еще Пушкин сказал, что художника нужно оценивать по законам, им самим провозглашенным. И уж точно — не по чужеземным премиям!

Младший современник Льва Толстого, Тургенева и Чехова, Бунин унаследовал от них традиции реалистической эстетики. Жизнь человека предстает в его произведениях во всей полноте красок, звуков, событий — повседневных забот и подвигов, хозяйственных трудов и праздников, страстей, страданий, сомнений и побед. Наедине с природой и в сутолоке города. В часы любовного опьянения и на краю гроба. Его глаз был зорек и наблюдателен, его ухо — чутко и внимательно. Язык его произведений обилен и щедр.

Бунин дружил с Куприным и Горьким. Любил добродетельный круг московских литераторов-реалистов, многие годы с охотой посещал «Среды» Д. Телешова, где общался с Н. Златовратским, Б. Зайцевым,

Л. Андреевым, В. Вересаевым, А. Серафимовичем, С. Найденовым, И. Шмелевым, С. Голоушевым... В их кругу Бунин чувствовал себя «среди своих». Его здесь любили, приветствовали и восхищались. Долгие годы это была поистине *его* среда.

Напротив, напряженно складывались его отношения с лагерем модернистов. Хотя и пробовал печататься в «Весах», и даже издал сборник стихов в «Скорпионе», но с В. Брюсовым контакта не нашел. Неприязненно отзывался и о Бальмонте. Чуждыми оказались А. Блок и Андрей Белый. Скептически смотрел на Н. Гумилева и его «Цех поэтов». Представители авангардных направлений тоже не вызывали симпатии. Если символисты (и выросшие из них акмеисты), на его взгляд, были слишком искусственными и книжными, то футуристы — чересчур уличными и грубыми. Всякое отклонение от правды жизни воспринимал он если не как кощунство, то по меньшей мере как дурной тон. Экспериментов в искусстве Бунин не признавал. Подчеркнуто выставлял себя последним классиком русской литературы.

Таковым в конце концов его все и признали...

Господь даровал Бунину долгий век, судил жить в эпоху глобальных перемен. Он родился в один год с Лениным, умер спустя несколько месяцев после смерти Сталина. Видел гибель Российской империи, наблюдал за рождением Советской России. На его глазах возникали тоталитарные режимы. «Метались смятенные народы». Человечество изощряло свой интеллект в создании различных средств самоистребления, одновременно скатываясь к нравам дикого варварства: отравляющие газы, танки, боевая авиация, реактивное и ядерное оружие, ГУЛАГ, Освенцим, Бухенвальд и Дахау — не болезненные *видения* Раскольникова и Достоевского, которого Бунин не жаловал именно за «болезненность» его воображения, а *газетные новости*, повседневная реальность, безжалостный факт.

«Если бы чеховским интеллигентам, все гадавшим, что будет через двадцать—тридцать—сорок лет, ответили бы, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие, будут сжимать череп железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами, голого и привязанного пытаться муравьями, клопами, загонять раскаленный на примусе шомпол в анальное отверстие («секретное тавро»), медленно раздавливать сапогом половые части, а в виде самого легкого — пытаться по неделе бессонницей, жаждой и избивать в кровавое мясо, — ни одна бы чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом», — утверждал в «Архипелаге ГУЛАГ» младший современник Бунина Александр Солженицын.

Но Бунин с ума не сошел.

«Да не только чеховские герои, — продолжал свою мысль Солженицын, — но какой нормальный русский человек в начале века, в том числе любой член РСДРП, мог бы поверить, мог бы вынести такую клевету на светлое будущее? То, что еще вязалось при Алексее Михайловиче, что при Петре уже казалось варварством, что при Бироне могло быть применено к 10–20 человекам, что совершенно невозможно стало у Екатерины, — то в расцвете великого двадцатого века в обществе, задуманном по социалистическому принципу, в годы, когда уже летали самолеты, появилось звуковое кино и радио, — было совершено не одним злодеем, не в одном потаенном месте, но десятками тысяч специально обученных людей-зверей над беззащитными миллионами жертв».

Бунин мог поверить.

Более того, знал и предупреждал. В отличие от своего старшего брата Юлия, народника и прогрессиста, никогда не был «чеховским интеллигентом». На своих соотечественников смотрел он трезвым взглядом. Его повесть «Деревня» вызвала шок и упрёки в очернительстве (как сказали бы советские критики). Но не только «Деревня», вся бунинская проза довоенного периода не

знает компромиссов с интеллигентской мифологией о народе. В интервью «Московской газете» 23 июля 1912 года Бунин говорил: «У нас, несмотря на целые общественные и литературные полосы, касавшиеся самых недр народной жизни, в сущности, русская интеллигенция поразительно мало знает свой народ».

Он видел жестокость, косность, хамство и бессмысленность жизни русской деревни. Мужика и помещика, простолюдина и аристократа, обывателя и артиста, революционера-подпольщика и царя-батюшки — до революции вся Россия, включая Москву и Петербург, оставалась по сути своей деревней (вспомним пушкинский эпиграф к главе «Евгения Онегина»)*. 7 октября 1917 года, за две недели до окончательного краха России, Бунин записал в дневнике: «Думал о своей „Деревне“. Как верно там все! Надо написать предисловие: будущему историку — верь мне, я взял типическое».

Но как, откуда?

С детства он был заворочен таинством смерти. Мемуаристы говорят: боялся. Скорее — не мог смириться с ней, бунтовал, возмущался: «Жизнь нам Господь Бог дает, а отнимает всякая гадина». Смерть, точнее ее физическое проявление, была ему отвратительна. Возмущался обрядами: «Умер человек и как можно быстрее его увезти. Я хотел бы, чтобы меня завернули в холст и отправили в Египет, а там положили бы в нишу на лавку и я высох бы. А в землю — это ужасно. Грязь, черви, ветер завывает». На похороны ходил крайне редко (даже не простился с матерью и отцом). Смерти не принимал. Не понимал.

И не мог оторвать взгляда, переключить сознание: «Я именно из тех, которые, видя колыбель, не могут не вспомнить о могиле. Поминутно думаю: что за странная и страшная вещь наше существование — каждую

* O rus!.. O Русь! Ног. (лат.) — О деревня!.. Гораций.

секунду висишь на волоске!» Перед лицом смерти острее чувствовалась божественная красота мира и убожество человеческого образа жизни. Человек как субъект экономической деятельности, как юридическое лицо, как член социума в суетных потугах обогатиться, выслужиться, заявить свое право, обогнать, обворовать, покорить и унижить, лицемерящий в семье и в храме, тайно бесстыдный и беспринципный, равно как и человек духовный, образованный, воспитанный, добропорядочный и честный, исправный налогоплательщик, гражданин и патриот, готовый сложить голову «за веру, царя и Отечество», слугитель муз или просто «добрый парень» обречены сойти на нет, умолкнуть, застыть, истлеть — а звезды будут светить, а ветра — дуть, а море — катить свои волны. Как и сто, и тысячу, и миллион лет назад. Бунин всеми органами ощущал силу мира и — наше/свое бессилие. Калейдоскоп истории, завертевшийся перед глазами в бешеном крутовороте, непрерывное странствие по свету, бессчетные встречи и расставания усугубили это чувство. На самом деле пугала не смерть, а бессмысленность жизни. Не только российской.

Абсурд бытия и непостижимый порядок жизни открылись Бунину очень рано. Он не сразу подобрал ключ к их изображению, но, когда им овладел, заговорил так, как никто из его современников. В его прозе появилась безжалостная *зеркальность*: мир предстал одномоментно и детально, но (и только!) в пределах рамы. Шаг в сторону — и ничего нет.

Было ли?

Есть. И пребудет вовеки. Исчезнет лишь тот, кто выйдет из угла отражения, ушедший вдаль — останется в *глубине* перспективы. Такой системы координат русская литература до Бунина не знала. Мир классической литературы располагался *по вертикали*, между небом и землей, раем и адом. Мир Бунина *лежит* перед ним и позади — даже когда он смотрит на звезды. Там нет добра и зла, есть только жизнь и смерть — избыточная жизнь и ненасытная смерть.